

СЦЕНА

Почему нельзя поднимать крышу Малого театра

У Малого театра, одного из старейших в Рос­сии, можно сказать, два дня рождения: в 1756 году, после Указа императрицы Елизаветы Петровны об учреждении профессионального театра в России, при только что открытом Московском университете была создана теат­ральная труппа, а в 1824 году она стала изве­стна как Малый театр. Для него архитектор Осип Бове построил специальное здание на Театральной площади в Москве.

В разгар ремонта этого исто­рического здания, которому исполнилось 190 лет, и начинает те­атр свой 259-й сезон. Спектакли идут в филиале на Орданке, а са­мые масштабные вскоре будут показывать в актовом зале МАИ.

В текущем году театр побывал на гастролях в 10 городах России. Расписаны все гастрели на 2015 год, в том числе в Крыму и в Се­вастополе. Театр выпустил не­сколько премьер – «Маскарад» Лермонтова, «Золушку» Шварца, «Театр императрицы» Эдварда Радзинского». В декабре ожидает­ся премьера по пьесе Дюма-отца «Молодость Людовика XIV», а весной зрители увидят постанов­ку по детективу француза Тома «Восемь женщин», где заняты ве­дущие актрисы труппы. К 70-ле­тию Великой Отечественной вой­ны в театре готовят обширную программу, в том числе из песен военных лет.

– Одно время наш театр имено­вали «вторым университетом», потому что на его сцене шли

спектакли по произведениям рус­ских классиков, – рассказал жур­налистам в пресс-центре МИА «Россия сегодня» худрук Малого театра, народный артист СССР Юрий Соломин. – Подписывая указ о создании театра в России, Елизавета Петровна, думаю, того и желала – видеть на сцене Рус­ский национальный театр. И про­должателями русской театраль­ной школы сегодня являемся мы. Таковых театров, имею в виду ос­нову, которую закладывали вели­кие писатели, на всю Россию най­дется не так уж много – вместе с Александринкой в Петербурге, пожалуй, театров пять, не боль­ше. Когда говорят о русском на­циональном театре, обязательно заводят разговор о непонятной «русской душе», а объяснить, что это такое, никто не может. А что непонятного, почитайте Фонви­зина, Пушкина, Лермонтова, Го­голя, Достоевского, Толстого, Островского, Тургенева, Чехова, и все станет ясно.

И вот эта самая «душа» про­

никла в нашу актерскую систему и школу, и нам без нее уже нику­да. Особенно в Малом театре, в котором я, считаю, родился. Учился у Веры Николаевны Па­шенной, художественное слово у нас преподавал Михаил Ивано­вич Царев. А работал я в одно время с великими артистами – Бабочкиным, Жаровым, Ильин­ским... Приехал в Москву из Чи­ты – наивным 18-летним челове­ком, которого так поразил фильм «Малый театр и его мастера», что я решил поступать в Щепкинское училище. Между прочим, фильм был снят к 125-летию театра, то есть к юбилею того самого исто­рического здания, которое сейчас реставрируем. И постоянно ду­маем о том, как же нам сохранить воздух старины. Помним, как «старики» Малого театра, узнав о реконструкции, говорили: «Толь­ко крышу не ремонтируйте, не поднимайте ее, а то души уле­тят...»

Так вот, вопрос о «русской ду­ше» волновал меня с 18 лет, и я спрашивал у Веры Николаевны, что же это такое. И она мне ска­зала: «Не мучься, сейчас ты этого не поймешь – рано, но потом обязательно дойдешь. Просто ар­тист, уходя ко сцены, должен оста­влять кусочек своего сердца...» Прошло много десятков лет, вы видите, как много шуму из ниче­го вокруг – возникла новая лите­ратура, музыка, театр, уж не знаю, будут ли через 10 лет говорить о «русской душе». А про «кусочек

сердца» мне все разъяснили япон­цы. Мы трижды по их просьбе возили на гастрели в Японию все чеховские спектакли, идущие на нашей сцене.

И вот однажды продюсер от­метил, что в афише нет «Трех сес­тер». И предложил мне поста­вить. И убедил-таки, хотя я ни­когда об этой вещи не думал. Спектакль идет у нас уже 10 лет. На гастролях в Японии с ним бы­ла интересная история. Спек­такль у нас шел на круте – сцена, на которой происходили события в прозоровском доме и были ус­тановлены декорации разных сцен, плавно вращалась. «Но в Японии нет крута», – сказал про­дюсер. – «Значит, не повезем». – «Нет, я очень хочу, перезово­ним». И действительно, перезво­нил через месяц: «Мы делаем «крут». Это стоило больших денег. Столько же, сколько стоили на­ши гастрели.

А однажды тайфун охватил часть Японии как раз в тот вечер, когда мы показывали гастроль­ный спектакль. Зрителей не было более часа, только звонки продю­серу, что ждут конца тайфуна. И действительно, через 40 минут зал был битком. Причем сидели все с книжечками, несмотря на бегущую с переводом строку. Спрашиваю продюсера – что за книжечки? Оказывается, с пьесой Чехова: «Они хотят разобраться, потому что любят Чехова. Он пи­сал о нас». – «Как о вас? Он до вас не доехал». – «А душа?..» В самом

деле, Чехов во всех пьесах напи­сал треугольник с несчастными взаимоотношениями людей, по­нятный и в Африке, и в Латинс­кой Америке, и в Европе. Это сейчас из Чехова стараются вытя­нуть, против кого он «боролся», в то время как наше дело расшиф­ровать то, о чем он думал. Но о безобразиях он не писал и не предполагал, что его героев будут играть алкоголиками, шизофре­никами и наркоманами. Я сам ви­дел спектакль, где Раневская была наркоманкой. Это женщина-то с разбитой душой, у которой по­гиб сын, умер муж и которая приехала в места, где начиналась ее молодость?.. Это сыграть очень трудно, здесь и нужна та «русская душа», «кусочек» кото­рой становится все меньше на сцене. К нашему национальному театру относущся по-доброму, и мне будет жаль, если когда-ни­будь его не станет.

О гастрелях и зрителях

На гастрели спектакли Мало­го театра, даже самые масштаб­ные, как, например, «Мнимый больной» Мольера и «Горе от ума», едут в тех самых декораци­ях, в которых идут в Москве.

– Мы делаем это потому, что это нужно зрителям, – сказал Юрий Соломин. – Вчера вече­ром в Тюмени играли «Мнимого больного» Мольера, и когда мы видим, как зрители ошеломлены

спектаклем, у нас есть надежда, что свою задачу по сохранению русского театра мы выполняем. Ну, а я вспоминаю слова Веры Николаевны про «кусочек сердца на сцене». Думаете, почему в Ма­лом театре спектакли идут по 10-20 лет? 28 лет я играл царя Федо­ра Иоанновича!.. Актеров не ста­ло, и мы сняли этот спектакль, а декорации сохранили, и я даже не знаю почему. А в Сургуте, где мы играли «Горе от ума», я общался с людьми, которые впервые в жиз­ни попали в театр. Это были дальнобойщики, которые три дня везли в трейлерах наши декора­ции. Они купили белые рубашки, посмотрели спектакль и после не­го зашли ко мне поздороваться. Они были потрясены, у одного на глазах были слезы, и он не знал, что сказать. (Этот человек поце­ловал Юрию Мефодьевичу руку. – *Ред*) Такой зритель, который после спектакля не может ни есть, ни спать, нам и нужен.

О Карениной и ЕГЭ

Журналисты поинтересова­лись, почему никто из актеров Малого театра не принял участ­ие в публичном чтении «Анны Карениной» и раскритиковали манеру чтения тех, кто участво­вал. Юрий Мефодьевич, более полувека преподающий мастер­ство актера в Щепкинском теат­ральном институте, ответил, что актеров из Малого не пригласи­ли, и изложил свой взгляд на

воспитание профессионалов.

– Считаю, что корень зла – в ЕГЭ, против которого я выступал изначально. Если помните, лет 15 назад в институт принимали по баллам, и педагоги были вынуж­дены присутствовать на экзаме­нах, чтобы из-за «баллов» не зава­лили талантливых ребят. Я сам «тянул» одного абитуриента из Мурманской области, отслужив­шего срочную в войсках МВД и решившего стать артистом. А в воспитании будущих актеров очень важен прием великого пе­дагога Александра Павловича Ленского, который воспитал Ос­тужева, Турчанинову, Пашен­ную. Давая возможность челове­ку выплеснуться в свою мечту, он предлагал самостоятельно приго­товить роль. И вот Остужев при­готовил Отелло. Сыграл сцену, а Ленский говорит: «А еще раз мож­ешь?» Он второй раз задушил Дездемону. А Ленский снова спрашивает: «А еще раз?» И так 6 раз. На седьмой раз Остужев от­казался: «Устал». «Ну, вот так на­до с первого раза», – сказал Лен­ский.

Невероятно сказывается отсут­ствие литературы в школе. Ребя­та приходят неграмотные. Пом­ню, три студентки представляли сцену чащения из пьесы Остро­вского «Сердце не камень». Са­мовар поставили, сахар, сухари, самозабвенно играют купчих. Хо­зяйка предлагает: «Чая попьем?» Берет блюдце и наливает в него из самовара кипяток. Педагоги

упали, а они сидят и ничего не понимают. В чашку надо вначале, а потом в блюдце – знание это ушло, потому что литературы нет, а без литературы нет артиста. Нет любого художника. Так что я за то, чтобы вернуть в школу программу по литературе и рус­скому языку.

О реконструкции

Гендиректор Малого театра Тамара Михайлова рассказала о реконструкции здания, которая началась в мае, так как до 30 апреля театр работал.

О том, что пришлось переде­лать техническую документацию. Укрепляя фундамент, поставить джет-сваи и под все основание те­атра подвести плиту. Поскольку внешний вид интерьеров решено было не менять, за точку отсчета взяли реконструкцию архитекто­ра А.П. Великанова 1946 года. Большую часть средств, получен­ных от государства, пустили на реконструкцию, а оставшуюся – на строительство производствен­ного комплекса в Нагатино. «Мы сменили подрядчика – нас не уст­раивал темп работ, – рассказала Тамара Анатольевна. – Теперь строители работают круглоосто­чно, в соответствии с теми сроками и режимами, которые им устано­вила Главгосэкспертиза. Рекон­струкцию планируем закончить в октябре 2016 года. Думаем уже, чем будем открывать театр».

Нина КАТАЕВА

Сцены из спектакля «Филумена Мартурано».

Сцены из спектакля «Филумена Мартурано».

Сцены из спектакля «Филумена Мартурано».

Сцена из спектакля «Мольер» («Кабала святош»).

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

Приключения программиста и полковника

Две из последних книг белорусского писателя Сергея Трахименка – «Записки «черного полковника»» и «Чаша Петри, или Русская цивилизация. Генезис и проблемы выживания» – особенно актуальны для чтения в наши дни.

Имя Сергея Трахименка давно известно читателям в России и Беларуси. Его автор­ству принадлежат детективы и приключенческие романы – «Петля Морбют, или Господин Никто», «Диалектика игры», «Миллениум в Авокадо». Сер­гей Трахименок – автор многих публицистических статей в журналах «Нёман», «Белорус­ская думка», «Сибирские огни».

Роман «Записки «черного полковника» в 2010 году вышел в белорусском издательстве «Мастацкая літаратура», а в 2013 году благодаря издатель­ству «Вече» ее смогли прочесть и российские читатели. Кто та­кой этот «черный полковник»? Нет, вовсе не один из тех, что совершили военный переворот

в Греции в 1960-х. Открыв кни­гу, читатель сразу увидит посвя­щение – некоему Б.Н. «Между собой мы никогда не называли его по имени-отчеству. Для нас он был либо Б.Н., либо «черный полковник», – поясняет автор книги в предисловии. – Правда, второе прозвище использовалось редко, поскольку оно при­надлежало не только ему. Прос­то всех нас, прибывших в 1981 году на Высние курсы КГБ СССР, сразу поразило большое количество полковников в фор­ме войск связи: в фуражках с черными околышами и черны­ми бархатными петлицами». Но, как пишет Сергей Трахи­менко, «эта книга об их предше­ственниках».

Главный герой – гражданин

Беларуси, завербованный спец­службами вымышленного го­сударства Каморкана. Повест­ование разделено на два сю­жетных пласта. В первом действие происходит в после­военной Западной Европе, где работают советские разведчи­ки. Второй пласт – наше вре­мя, где главные герои оказыва­ются в Беларуси, России, Тур­ции. И в том и другом времен­и и отражено противостояние систем. Это роман о холодной

вую войну за советское наслед­ство и получать репарации».

Неслучайно этих людей всег­да называли «бойками невиди­мого фронта». Им и посвящает­ся эта книга. Вот что пишет в предисловии книги ее автор: «Она реквием по тем, кто, не обладая ни технической, ни фи­нансовой мощью, смог проти­востоять половине сытого и технического оснащенного мира, который почему-то считал, что все остальные должны жить по

Одна из главных проблем научного мира – противостояние распростра­нению лженаучных идей

войне, итог которой так никто и не подвел. «Удивительно то, что был объявлен только тот, что ее проиграл, – говорит автор. – А победители аккурат­но спрятались. Возможно, именно с этих позиций им удоб­нее вести Третью миро­

его правилам. Реквием по тем, кто сумел сохранить планетар­ное равновесие, позволившее почти на полвека отодвинуть Третью мировую войну».

Буквально несколько недель назад, на Всероссийском фести­вале науки, ученые говорили о

способностью раскрывать люд­ские сердца, «включать» однове­менно и мозг, и душу. Да и не та­кие уж разные у нас религиозные убеждения. Мы – в массе своей – люди Писания. И этические максимы у нас идентичны. При­верженность Единобожию уже само по себе есть признание нравственного императива, это дает народам вектор духовного развития, способствует их едине­нию. Назову имена классиков

Боязнь литераторов лишиться влия­ния на умы современников кажется мне надуманной

Между тем именно художест­венный перевод может сблизить народы, повлиять на добрые от­ношения между носителями раз­ных религиозных убеждений. Литература имеет удивительную

литературы ноочи – Магомед-Салех Гадаев, Саид Бадуев, Ха­лид Ошавс, Магомед Мамакаев, Абдул Абдул-Хамид Хамидов, Абузар Айдамиров. Творчество каждого из них высвечивает оп­

ределенную грань души народа нохи. Думаю, со мной согласи­ся те, кто ставил перед собой цель понять нашу суть. Именно по произведениям этих класси­ков будущие литературоведы смогут воссоздать наш этниче­ский портрет.

Боязнь литераторов лишиться влияния на умы современни­ков кажется мне надуманной. Конечно, времена «Политехни­ческого» прошли. Но прошли и времена монополии государства на «генеральную линию» в умах его граждан. Мир многогранен. Писатели должны быть равнове­лики Времени, данному Богом нам для поступков и осмысления значимости самой жизни. Имен­но тогда мы будем интереснее чи­тателю и обществу в целом.

Возможности настоящей ли­тературы действительно велики. Иначе наша нация, выстоявшая

способностями целителя.

Но и на этом опасные при­ключения Лаузутина в непростом и, как оказывается, суровом на­учном мире не прекращаются. Вместе с Архонтовым он оказы­вается вовлеченным в странный проект под названием «Путеше­ствие в будущее». Проектом за­нимаются некие частные струк­туры, которые, заинтересовав­шись необычными способнос­тями Архонтова и Лаузутина, хо­тя с их помощью заглянуть в будущее и узнать перспективы вложения средств в определен­ные отрасли экономики, чтобы продать эти сведения воротил­ам крупного бизнеса. Хозяева проекта шантажируют героев, и те вынуждены согласиться. Но происходит непонятная техни­ческая ошибка, и Лаузин с Ар­хонтовым попадают сначала в прошлое и только после – в бу­дущее. И, как выясняют наши герои, ничего хорошего челове­честву ждать не стоит.

Максим СОВУШКИН

ЗНАЙ НАШИХ!

Алексей Федорченко получил «Марка Аврелия будущего»

На 9-м Римском международном кинофести­вале уникальной наградой – «Марк Аврелий будущего» (Marc’Aurelio of the Future), – спе­циально изобретенной для этого случая, был награжден российский кинорежиссер Алек­сей Федорченко. Алексей, живущий в Екате­ринбурге, давний любимец итальянцев.

Его фильм-дебют «Первые на Луне» был признан лучшим фильмом программы «Горизон­ты» на Венецианском фестива­ле, нескольких призов там же удостоились его «Овсянки». Мировому зрителю Алексея Фе­дорченко открыл тогдашний арт-директор Мостры Марко Мюллер.

Он же, став художественным директором Римского кинофес­тивали, в 2012 году представил римской публике фильм Фе­дорченко «Небесные жены луговых мари», получивший приз зри­тельских симпатий. И, наконец, в октябре 2014-го Марко Мюл­лер отметил особым призом та­лантового екатеринбуржца, определив тем самым совер­шенно особый его статус в ми­ровом кинематографе.

Алексея Федорченко привет­ствовала ведущая церемонии Римского кинофестиваля, итальянская актриса с русскими корнями Nicoletta Romanoff. Собственно, награду режиссер получил из рук режиссера Ан­дрея Сильвестрова, которого пригласил на сцену Марко Мюллер. После торжественной церемонии Федорченко пред­ставил свой новый фильм «Ан­гелы революции», который участ­вует в конкурсной программе «Кино сегодня». Показ ленты в Риме стал мировой премьерой.

Перед показом Марко Мюл­лер рассказал, почему считает работы Алексея Федорченко достойными внимания, а самого режиссера – награды. По сооб­щению портала «Профисине­но», режиссер сказал: «Федор­ченко – совершенно оригиналь­ная фигура в современном рос­сийском кинематографе. В пер­вую очередь потому, что от фильма к фильму он изобретал новые стили и жанры. Его рабо­

ты характеризуются богатым ки­ноязыком – это и смесь доку­менталистики с мокьюментари, превращение драматического фильма в тонкую пантеистичес­кую комедию. Схематическое изображение вдохновленных ли­тературой основой героев, жесткость фабулы режиссер взрывает силой образов, кото­рые всегда не абстрактны, а конкретны, даже когда сюжет­ные линии экстремально расши­рены или сжаты, они всегда ос­вещены вспышками поэзии. В новом фильме «Ангелы револю­ции» он развивает свою мысль об отношениях человека и при­роды, противопоставляя очаро­вание традиционной культуры (реальной или выдуманной) и насилие истории (власти). Это в очередной раз доказывает, что Федорченко один из немногих режиссеров, способных раз за разом создавать новые измере­ния».

Алексей Федорченко побла­годарил фестиваль за оказан­ную честь, подчеркнув, что Италия удивительным образом связана для него с именем Мар­ко Аврелия. «Он для меня оли­цетворяет миф, культуру и просвещение. А теперь Марк Аврелий, который олицетворял для меня историю, олицетворя­ет будущее». Действие фильма «Ангелы революции» происхо­дит в 30-е годы, это история столкновения различных куль­тур, увиденная глазами пяти авангардистов, которых отпра­вили в отдаленные регионы страны по программе агитпро­па. Фильм, как и прежние его работы, снят по книге Дениса Осокина и, как утверждают ав­торы, основан на реальных со­бытиях.

Мария ТРУБИНА

МОНОЛОГ

Времени равновелики

В Беларуси Лулу Куни, чеченскую писательницу и публициста, редактора женского журнала «Нана», знают как переводчица: она переводит на чеченский язык белорусскую классическую и современную поэзию.

Недавно Лула стала гостьей Дней белорусской письменнос­ти. Мы попросили писательницу рассказать, знают ли в Чечне бе­лорусскую литературу и что нужно делать для того, чтобы литература могла и дальше вы­полнять миссию культурного «моста» между народами.

– Янка Купала, Якуб Колас, Василь Быков, Иван Шамякин, Алякс Адамович – сегодня не­просто ответить на вопрос, зна­ком ли чеченскому читателю это имена, – размышляет поэтесса и переводчица. – Мое поколение читало белорусских писателей, сужу по школе и институту, мы знакомились с литературой всех

братских республик. Нынешние юные читатели мало знакомы с творчеством белорусских класси­ков. В российской школе из­менилось отношение к литерату­ре братских народов: она пере­шла в разряд факультатива. В ус­ловиях «разведения мостов» между народами бывшего Союза имена литераторов, чьи произве­дения являются квинтэссенцией национальной ментальности, стали для чеченских читателей просто именами.

Не так активно переводятся на русский язык произведения чеченских писателей. Спрос на качественный перевод превыша­ет возможности местного цеха –

их силами не решить проблему. В прежние годы Чеченская Рес­публика посылала в Литинсти­тут им. М. Горького молодых людей на факультет перевода. К сожалению, мало кто из них стал переводчиком. И причина не в нежелании работать, а скорее в том, что их работа стала равносильна подвижничеству, если говорить об уровне оплаты и соблюдении их прав как пере­водчиков.

Сергей ШИЧКО